

Содержание

КОФЕЙНЯ	5
Кофейня	7
Записки без почерка	81
Семь дней	93
Твой оборванный сон	98
Письма к Ляле	142
Рассказ семнадцатилетнего юноши	149
Моя коллекция бабочек	152
КОФЕЙНЯ В СЕРДЦЕ ПАРИЖА	157
Вступление	159
Глава первая. «Пьеро»	161
Глава вторая. «Роза»	223
Глава третья. «Париж»	288
КОФЕЙНЯ НА БЕРЕГУ ОКЕАНА	315

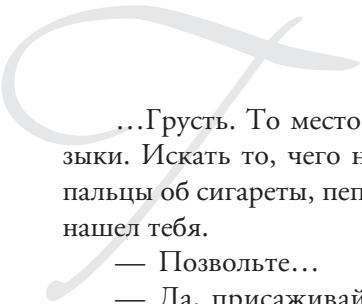

Капкейка

Скажите мне, чем должно пахнуть в кофейне?
— Наверное, чем угодно, но только не кофе...

...Грусть. То место, в котором можно найти себя среди музыки. Искать то, чего нет, среди пустых стульев. Или обжигать пальцы об сигареты, пеплом размывая страницы, в которых автор нашел тебя.

— Позвольте...

— Да, присаживайтесь, — не отводя глаз от книги, ответила она.

Шекспир, «Сонеты о любви». Красивая обложка. Громкое имя и... разбитое сердце женщины, дополняющие друг друга. Так могло показаться на первый взгляд.

В тоске не гаснет жар мятежный,
Горит за сенью гробовой,
И к мертвой пламень безнадежный
Святее, чем любовь к живой...

— Удивительно. Так точно и с чувством... Шекспир.

Такого ответа он больше всего ожидал, но меньше всего хотел услышать.

— Нет. Это Байрон, — с каким-то волнением, но без всякого удивления произнес он.

Она склонила голову и, подкурив новую сигарету, продолжила увлеченно изучать страницы. Будто его и не было вовсе.

— Уходите.

— Вы кого-то ждете. Кого-то, кто с опозданием на два месяца и шестьдесят две чашки выпитого кофе так и не соизволил опоздать.

Она подняла голову и посмотрела на него так, будто он прочитал ее мысли. Загадочный взгляд, хоть и весьма предсказуемый.

— С чего вы это взяли? — в недоумении спросила она.

— Когда вы приходите и открываете книгу, вы кладете левую руку так, чтобы хорошо было видно время. Если приглядеться, то можно заметить, что смотрите вы вовсе не в книгу, а на свои часы. Создаете иллюзию отдыха, в то же время ограждаете себя от таких, как я.

— Но как... Как вы могли за мной наблюдать, если сидели все время спиной ко мне?

— Здесь нет ничего странного. С вашего столика, если смотреть в окно, видна улица. С моего — ваш столик. И получилось, что мы оба смотрели в окно. Вы — на прохожих, а я — на вас.

— Кого ждете вы? — с явным интересом спросила она.

Глаза цвета кофе. Губы оттенка розы. И музыка... Такая же безвкусная, как и их латте.

— Не смотрите на меня так, — делая глоток кофе, отвела взгляд она.

Куда она смотрела? На прохожих. Нет, скорее, мимо них. На серые тротуары, или вошла в тон не менее серой суеты. Этот взгляд был ему знаком. Она во всем видела человека, но никак не могла его найти.

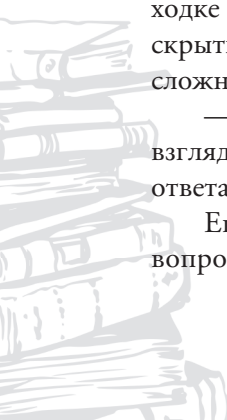
— Как мне на вас не смотреть? — устало спросил он.

— Так, будто все обо мне знаете, — ответила она, по-прежнему глядя в окно.

Была ли она замужем? Была. Он это понял по ее рукам. Кольца на пальце не было, но его след она продолжала неосознанно гладить. Временный след... Это было видно по глазам, по ее походке и даже по тому, как она держит сигарету. Это мужчине скрыть свой брак — как окурочку выбросить. У женщин с этим сложнее.

— Как я выгляжу? — после длительной паузы она перевела взгляд в его сторону. Затем посмотрела на часы и, не дожидаясь ответа, добавила: — Мне пора.

Его не смутил ее внезапный уход, как и то, что ответа на вопрос не прозвучало. Напротив, он и не думал на него отве-

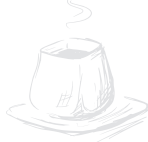
чать и не стал провожать ее взглядом. Спустя время его внимание привлек еще один посетитель этой кофейни. Вредный, толстый мужчина лет сорока пяти. Скажем так, манеры этого типа были куда дешевле его костюма. Как и всегда, он заказал кофе по-ирландски и попросил дать ему меню. Это уже было его привычкой: пить крепкий кофе с дешевым виски, а глядя в меню — недовольно бурчать. Но проблема была в другом.

«Когда тебе было холодно, я надевал на тебя свой свитер, и мне становилось теплее. Когда тебе было больно, я сжимал зубы и шептал в гневе о себе. Я знал вкус твоих слез, бесконечно целуя мокрое лицо. А ты даже не знала, во сколько я завтра чужой. Я молился о тебе по средам, когда ты заводила будильник на восемь. А в четверг я тебя ненавидел. Без пятнадцати девять...»

Он закрыл книгу и положил ее возле себя. Встав с кровати, стал искать спрятанную пачку сигарет. Два года и четыре месяца он сжимал эту пачку в руках, не открывая ее. Два года борьбы с собой. Его манил этот дым. Глубокая тяга. Секундное облегчение. А с выдохом уходило все то, что наболело. Достав сигарету, он стоял минуты две, все крепче сжимая ее в зубах. После чего взял и смял ее в кулаке, рассыпая по полу. Этой ночью он уснул победителем, чтобы утром вновь объявить себе войну.

Холодный душ. Крепкий чай без сахара. В семь утра этот город просыпался и ненавидел все вокруг. Люди вставали и заканчивали день двумя постоянными мыслями: как мне выспаться и какая жизнь дерьмо. Он каждый день поднимался в это время, выходил на балкон и смотрел на них, хмурых, полусонных. Людей без яркости. Размытых. Они спешили на работу, которую ненавидели чуть меньше своего босса. Зарабатывали деньги, чтобы тратить их на то, что им не по карману. И все время стремились к роскоши, не имея даже свободы.

Допивая свой чай, он заходил обратно в квартиру, оставляя за стеклом недовольные лица, во всем винившие жизнь. Переводил будильник на двенадцать и, натягивая на себя теплое одеяло, еще больше влюблялся в утро.

Когда Роза открыла дверь кофейни, на часах уже было четыре. Он, как обычно, сидел спиной к ней за соседним столиком и думал о чем-то своем. Не узнать ее шаги было сложно. Ему каждый день, на протяжении двух месяцев, приходилось их слышать. В этих шагах не было ничего особенного, но спутать их с другими он не мог. Подойдя к своему столику, она заметила книгу и закладку на одной из страниц. Он не видел, но каждой клеткой спины чувствовал, как она смотрит то на книгу, то на него. И в какой-то момент ему показалось, что она задержала на нем свой взгляд. Нет, не показалось. Он был в этом уверен.

Мысли тонули в чашке ее латте. Она водила ложкой по дну, будто размешивала вкус горьких букв. Шелест страниц. Глубокие затяжки дымом. Ее тонкие пальцы обжигала сигарета, что дотлевала в ее руке. Она была увлечена.

Дождь стучал в окно и навевал прохладный порыв грусти. Воспоминаний. Нелепых улыбок длиною в секунды, затем глухих ударов в груди, от которых порой можно было задохнуться. В такие минуты, наедине с дождем, ты готов верно ждать солнца. А с его приходом — и дальше тонуть в своих лужах. А может, дело не в погоде? Слабость времени — настоящее. Сегодня ты живешь вчера. А завтра снова... Незаметно. Быстротечно. И все проходит, кроме прошлого. Ему позволено быть вечным...

Он даже не заметил, как Роза подошла и встала у него за спиной. Неудивительно: он был слишком погружен в свою бездну. Так бывает, когда твой корабль разбился, а ты, глядя в сторону берега, решаешь для себя тонуть. И неважно, что до суши рукой подать. Тебе не страшно: идешь на дно вместе с обломками. Но разве считаешь, что топишь себя сам? Конечно, нет. Во всем виноват шторм.

— Слишком много вопросов, когда не о чем спросить, — нарушил молчание он.

Роза прикрывала ладонью рот, чтобы он не услышал, как трудно ей стало дышать.

— Присядьте, — попросил он ее, отодвинув свободный стул. Выложив пачку своих сигарет, она крепко сжала книгу и посмотрела на него пустыми глазами.

— Меня зовут Лау...

— Вас зовут Роза, — оборвал ее он, отводя взгляд в сторону окна.

Проигнорировав его слова, она достала из пачки мужских крепких Lucky Strike сигарету и начала искать по карманам свою зажигалку. Не найдя ее там, она принялась обыскивать свое пальто. Но и в нем оказалось пусто.

— Вы курите? — спросила она у него в надежде на очередную порцию дыма.

Он улыбнулся и, достав из кармана пачку своих сигарет, посмотрел на нее и положил обратно в карман.

— Нет, Роза, я не курю, — спокойно ответил он.

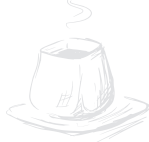
Взгляд. Этот взгляд. Она посмотрела на него, как на сумасшедшего, и встала из-за столика, надевая пальто. Но не успела она сделать и шага, как он крепко взял ее за руку и тихо попросил: «Оставь книгу».

Она смотрела ему в глаза, как январь бы смотрел на июль. Холодный, стеклянный взгляд. Но и он отводить глаз не думал: вглядываясь, он увидел нечто большее, чем просто лед. Он был уверен: еще от силы секунд семь — и этот лед начнет таять...

— Я оставлю ее себе, — спокойно и твердо, как показалось ей, сказала она.

Роза присела и, взяв в губы сигарету, открыла страницу, на которой закончила свое путешествие. Он, достав из внутреннего кармана своего пиджака зажигалку, наклонился к ней, чтобы дать ей прикурить, но она решила отказаться, отведя голову в сторону. Положив на стол зажигалку, он следил за ее пальцами. Зачем?..

«Я не любил шумных компаний, да и сейчас, в общем-то, не люблю. Пустые разговоры. Смех непонятно от чего: то ли анекдот оказался удачным, то ли неудачник решил спрятать себя за смехом. Ох, какая удача... Фальшь. Люди прячут себя за таким жирным куском лжи, оставляя правду себе на диету. Они давятся сплетнями и прячутся за спинами, а когда дело касается их, только тогда они начинают убавлять громкость.»

Ты меня понимаешь и понимала каждую секунду, когда я не понимал себя. Вспомни тот вечер, когда ты решила познакомить меня со своими друзьями. Вспомнила? Я держал руки за спиной не потому, что хотел произвести впечатление солидного мужчины с ровной осанкой и гордо поднятой головой. Нет, не потому. Я просто не хотел быть к ним ближе. Пожать руку. Пустяк? О, нет, дорогая, это расстояние. В котором я предпочел быть самым отдаленным.

Я смотрел им в глаза и видел их насквозь. Думаешь, я их слушал? Нет, я вслушивался в отдельные слова. Наблюдал за движениями и, самое главное, — за тем, как они относились к тебе. Как пытались произвести на меня впечатление и вызвать уважение к себе. А я просто наблюдал. И когда той картины, что я срисовал с них, мне хватило — я встал и ушел. Не попрощавшись. Да я, собственно, и не здоровался с ними. А вот тебя я тогда покинул. В тот вечер, седьмого июля, в наглаженных черных брюках и мятой серой рубашке, я...»

— Пьеро, — перебив ее увлеченные глаза и сердце, произнес собеседник.

Она не сумела сразу выйти из мира, в который так глубоко погрузилась сейчас, и потому сказанное им встревожило ее и показалось совсем неясным.

— Что, простите? — не поняв его, с удивлением спросила она.

Она находилась на своей волне, в своей душе и ясном сознании. Ее увлекла эта книга, и все испортил он, сидящий напротив мужчина.

— Автор этого произведения — Пьеро. Я перечитал эту книгу девять раз за два года и, как я вижу, не только я нашел себя в ней, — спокойно и слегка огорченно ответил он на ее вопрос.

— Я никогда не слышала о нем. Пьеро...

Возможно, она задала себе вопрос: а нужно ли было мне о нем слышать? Ведь главное, что строки этого писателя поразили ее до глубины души. По всему ее виду было понятно, что продолжать диалог ей казалось неуместным, но она все-таки спросила:

— А где можно купить эту книгу?

— Нигде. Я обыскал много книжных лавок, после того как она попала мне в руки. Ни в одной ее не было, и никто о ней не слышал, — тихо ответил он.

— Не понимаю. А как тогда она попала к вам? — спросила она, сопровождая слова любопытным взглядом.

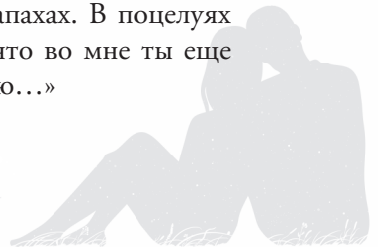
Он сделал вид, что не расслышал ее вопроса. На самом деле ответить ему было нечего, она бы всё равно не поверила, что он нашел ее в мусорном баке, среди вонючих помоев и презервативов. Среди разбитого бутылочного стекла под ногами и собачьего дерьма, в которое он тогда наступил...

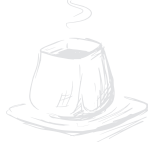
Книги выбрасывают. А взамен покупают кучу фильмов и музыки, что считается популярной в данное время. Смотрят, слушают, а затем забывают, когда наступает новая волна моды. Музыка, секс, фильмы, алкоголь. Разврат. Ах да, я ведь совсем забыл... Любовь! Они выбрасывают книги, на чтение которых у них нет времени, а потом сами же бросаются из окон от такой жизни... В которой они живут и так уверены, что будут жить вечно.

«...Боже, как я тебя ревновал, только одному Ему известно, насколько сильно! Я никогда не показывал это, тая злобу в себе, а когда накапливалось до самого “не могу”, я срывался на мелочах. Любой пустяк служил громоотводом. Днями я молчал, когда ты сидела рядом и обнимала меня, а ночью кричал, когда ты засыпала. Так громко, что никто не слышал, как я винил себя во всем. Ты же меня лечила, а я себя губил. Боялся тебя потерять на минуту, на секунду и все то время, которого мне так не хватало. Я молчал, считая это постыдным. А чего я стыдился? Своих чувств к тебе или боли, которую причинял себе? Все это время я стыдился себя. Ведь ты такая вся нежная. И перед сном, и поутру. Даже в моей грубости ты оставляла свою нежность.

Вечерами, когда мы с тобой занимались любовью, это был не секс. Я весь в тебе, и до конца, запах волос, шеи, груди. А когда ты сжимала мои ноги своими, я еще больше хотел, чтобы тебе было приятно. До конца... Во вздохах и запахах. В поцелуях и в кусании губ. Я был в тебе и чувствовал, что во мне ты еще больше. Это был не секс. Теперь я это понимаю...»

Закрыв книгу, Роза посмотрела на мужчину, который все это время не отводил от нее глаз. От этого взгляда она почувствовала себя некомфортно.

— Роза, эту книгу я вам не отдам, — спокойно и настойчиво сказал он. Затем добавил: — Но у меня есть предложение!

Она уже смирилась с тем, что он называл ее Розой, а вот к его присутствию привыкнуть не могла. Никак.

— Какое предложение? Руки и сердца? — с насмешкой спросила она.

Он добродушно улыбнулся, посмотрев ей в глаза, но через пару секунд лицо его стало серьезным, а взгляд грубым. От этого ей стало не по себе. Мурашки по коже. Учащенное сердцебиение. Явное волнение Розы расцвело перед ним во всей красе.

— В твоей чашке кофе большая доза одиночества. Ты пряталась за своими сонетами, даже не читая их. А теперь ты нашла дозу сильнее сигареты... В этой книге. Но поверь мне, она тебя спрячет лишь на время. А после — снова. Все сначала.

Он говорил твердо и уверенно, и это ее поразило. Впервые переступая границу «вы», она смогла показать себя настоящую. Какой она была на самом деле. Потекшая тушь, расслабленная бровь. Чистые глаза. Настолько чистые, что...

Он предложил ей свой платок, но она жестом показала, что не нужно: у нее есть. Вытирая капли с лица, она смывала фальшь и боль, что давила на нее, как ни один каблук в мире. Роза улыбнулась. Искренне. Так, что на душе у него стало тепло. Теплее, чем всегда. Он улыбнулся ей в ответ.

— Вот теперь ты по-настоящему прекрасна, Роза, — взяв ее за руку, сказал он.

Она не оттолкнула его, наоборот, ей стало приятно от его прикосновения. Она будто доверилась ему. Слепо, без всяких сомнений. Он гладил ее руку, а она наклонила к нему голову, чтобы положить на плечо.

Роза улыбалась, ей было легко и спокойно. Она не боялась его ни секунды и прижималась все крепче. Ей становилось теплее и уютнее. Кто он? А впрочем... Неважно. Это сейчас не имеет никакого значения...

— Почему ты называешь меня Розой? — тихо, на ухо спросила она у него.

— Роза... Все любят смотреть, как она цветет. Расцветает. И все отворачиваются, когда вянет. Изображают сочувствие. Сожаление... Затем ее выбрасывают, — огорченно сказал он.

Слезы наворачивались на ее глаза, она хотела что-то сказать, но не смогла. Будто ком в горле. Ей было больно, и он эту боль почувствовал.

— Я не видел, как ты расцветала, Роза. Но каждый день, на протяжении двух месяцев, я смотрел, как ты вянешь...

Когда она вернулась домой, каблуки не послужили причиной обиденной, но терпимой боли. Каждый день, снимая их, она чувствовала облегчение. На минуту, семь или даже десять, а затем наступала вечность. В тишине. Пустоте пространства. Комнат. Она теряла себя в спальне. Сколько криков каждую ночь впитывала в себя подушка! А музыка звучала все громче. Ее музыка. Немая музыка глухого слушателя. Вот так она сходила с ума. Каждый вечер, каждую ночь. И только поутру ее недуг был излечим крепким кофе и сигаретой. Шумом за окном и стуками соседей. С первыми лучами солнца она прятала себя. За яркой тушью. Тонном помады скрывала свои губы, которым так не хватало...

И так продолжалось день за днем. Но только не сегодня...

Она лежала в теплой ванне и о чем-то мечтала. Ей становилось легче. От кончиков пальцев ног до самых глубин себя. Так легко и приятно. Возможно, она ощущала его присутствие или не могла отойти от нежности тех грубых рук, что гладили ее днем. Роза улыбалась. Смех? Нет, не в порыве очередного сумасшествия — она улыбалась с чистыми глазами, вода рукой по воде. Ее июль обнимал февраль. Она чувствовала себя нужной...

За три квартала первых звезд и прохладного ветра он сидел на балконе и смотрел на небо. Что он в нем видел? Наверное, что угодно, но только не звезды. Даже шум улиц и недовольные крики водителей не могли ограждать его от той тишины, в которой он на-

ходил. Слепой тишины. Неувиденных глаз. Недослушанных слов. И только ветер своим сильным порывом привел его в чувство.

Он завел будильник, как обычно, ровно на семь утра, и потом усердно и отчаянно пытался уснуть.

Ночь намного сильнее обостряет одиночество. В темной комнате, наедине с собой и своими мыслями, ты в полной мере осознаешь свою ненужность. Когда тебя бросает в жар, ты считаешь себя брошенным, и больше всего тебе не хватает его — человека, что держал бы тебя сейчас за руку в этом мрачном доме... Тебе не хватает тепла, а одеяло не может согреть тебя так же, как музыка не может заменить тот голос, который ты хотел бы услышать. Слушать. Понимать, что ты не один в этом мире, в этой кровати, в этой пустой квартире. Лишь будильник так верно и вовремя будит, а как бы хотелось проспаться...

Не смкнув за ночь глаз, он услышал, как зазвенел будильник. Ровно семь утра.

Это утро было другим, не таким, как всегда. Достав спрятанную пачку сигарет, он вытянул из нее все двадцать штук и положил на кровать. Делая себе чай, в этот раз заварки он не пожалел: в кружке было чуть меньше половины заварки и столько же воды. Подкурив сигарету, он делал слишком глубокие затяжки, и без привычки, после перерыва в два года, они пьянили его не хуже коньяка. Затягивался снова и снова, запивая чаем. Докурив, он почувствовал, что перед глазами начало двоиться. Сильное головокружение, сухость во рту. Тошнота. Он потянулся к следующей сигарете, так, будто был вдребезги пьян. Выпустив дым и сделав очередной глоток, он уже ничего перед собой не видел. Свет... Кружка выскользнула из рук и разбилась об пол. Затем упал и он.

Роза никогда не опаздывала. Никогда. И на этот раз она переступила порог кофейни в четыре. Всё как обычно — посетителей почти не было. Кроме постояльцев этого заведения, никто здесь не задерживался больше чем на полчаса. Обычная кофейня, которых в этом городе полно, но вот людей она почему-то к себе